

Златокудрая Эльза

Автор:

Евгения Марлитт

Златокудрая Эльза

Евгения Марлитт

Великие романистки XIX века

Племянница лесника Эльза стала доброй подругой хозяйки поместья Елены и предметом искреннего обожания ее брата Рудольфа. Но он не может позволить себе жениться на простолюдинке. А родовитый ловелас Гольфельд, напротив, стремится любой ценой завладеть Эльзой, хотя она не может похвалиться ни знатным происхождением, ни богатым наследством. Или в прошлом ее семьи есть тайна, которая дороже золота? Девушка должна разгадать ее. Только тогда она найдет свою любовь...

Евгения Марлитт

Златокудрая Эльза

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Тим+, художественное оформление, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

* * *

Глава 1

В течение всего дня непрерывно валил снег, покрывший крыши и подоконники толстым, безупречно чистым слоем. Поднявшаяся с наступлением вечера метель гнала кружившиеся хлопья и с яростью налетала на мирную стаю голубей. Однако погода, в которую, как говорится, хороший хозяин и собаки не выгонит из дома, не отразилась заметно на уличном движении столичного города Б. между шестью и семью часами вечера.

Газовые фонари горели, а экипажи выезжали из-за углов с такой скоростью, что пешеходы должны были опасаться за свою жизнь и, желая ее сохранить, совершали скачки к стенам домов. Град крепких словечек сыпался вслед кучеру и экипажу, сквозь неплотно закрытые занавески которого виднелись украшенные цветами прически дам, утопавших в волнах тонкого газа, шелка и не подозревавших, какие «лестные» пожелания осыпали и их изящные головки. В окнах магазинов, отбрасывающих яркий свет, виднелись завитые манекены с темными или светлыми шевелюрами, которые способны внушить зависть дикарю – собирателю вражеских скальпов; прилежно работающие часовщики; улыбающиеся лица; руки, перебирающие великолепные ткани и наряды. Искусственные цветы в гирляндах и букетах соседствовали с живыми цветами, служившими моделью для них.

Из переулка на одну из главных улиц вышла упругим и легким шагом женщина. Поношенное пальто плотно облегалo стройную фигуру, она крепко прижимала к груди старую муфту, придерживая свесившиеся концы вуали, из-под которой поблескивала молодым задором пара голубых глаз. Они весело смотрели на пелену снега, с удовольствием останавливались на розах и темных фиалках в витринах магазинов и только тогда прятались в тени густых ресниц, когда среди снежных хлопьев неожиданно попадалась колючая градинка. Кому

приходилось когда-либо слышать, как женские руки начинают бойко играть на рояле знакомую мелодию, но тотчас же фальшивят, берут всевозможные ноты, кроме тех, которые нужны в настоящую минуту, затем быстро мчатся дальше, вставляя или пропуская несколько легких тактов; чей слух подвергался подобным пыткам – тот легко может понять, с каким наслаждением девушка, только что дававшая в гимназии урок музыки, подставляла снежным хлопьям и свежему ветру свое разгоряченное лицо.

Пока она легко и быстро пробирается сквозь плотную толпу, я хочу немного познакомить читателей с ее прошлым.

Вольф фон Гнадевиц был последним представителем славного рода, ведущего свое начало с того доброго старого времени, когда проезжавшие по дорогам купцы подвергались нападениям рыцарей и отдавали свои дорогие ткани и прочие товары в обмен на жизнь. К тем временам относится и колесо на гербе Гнадевицев, на котором испустил свой геройский дух один из предков, следовавший рыцарскому правилу присвоения чужого имущества, и проливший потому слишком много неблагородной купеческой крови.

Это была большая несправедливость, всколыхнувшая все дворянство страны, так как обычно колесовали людей низкого происхождения. Тем более что «мученик» проливал только кровь торговцев и ремесленников, а она стоила дешевле воды. Итак, герой-разбойник не оставил темного пятна на своем генеалогическом древе, а его семья даже с какой-то бравадой включила в свой герб колесо, им облагороженное.

Фон Гнадевиц, последний отпрыск своего рода, камергер при княжеском дворе Х., был кавалером многих орденов, обладателем нескольких имений и тех свойств характера, которые, по его мнению, были присущи лицам аристократического происхождения и которые он называл благородными потому, что пониманию простого смертного – при его узких взглядах на мораль, обусловленных давлением условий жизни и нравов, – были недоступны неподражаемая грация и изящество порока.

Вольф фон Гнадевиц, который, подобно своему деду, очень любил роскошь, покинул замок в горах Тюрингии, служивший колыбелью его рода, и выстроил себе в долине совершенно сказочный дворец в итальянском стиле. Вскоре внук совсем забросил замок на горе, но значительно расширил и украсил свой большой дворец в долине. Казалось, Вольф фон Гнадевиц ни минуты

не сомневался в том, что его род будет продолжаться до Страшного суда: ведь для того, чтобы заселить все вновь возведенные пристройки дворца, старое генеалогическое древо Гнадевицев должно было дать бесчисленное количество новых побегов.

Однако судьба распорядилась иначе. У Вольфа был сын Ганс, который уже к двадцати годам стал таким истым фон Гнадевицем, что даже предок, прибавивший к фамильному гербу колесо, казался блеклым по сравнению с ним. Однажды во время охоты молодой дворянин нанес одному из загонщиков страшный удар хлыстом только за то, что тот нечаянно отдал ногу любимой хозяйской собаке. Какое-то время спустя Ганс фон Гнадевиц был найден на дубе в лесу с веревкой на шее. Избитый загонщик заплатил за это жизнью, но сия мера не воскресила последнего Гнадевица – и славный род угасал.

После этого страшного происшествия Вольф фон Гнадевиц немедленно покинул свой роскошный особняк в долине и перебрался в Силезию, в одно из своих многочисленных имений. Он решил взять в свой дом дальнюю родственницу по боковой линии для того, чтобы та заботилась о нем. Однако оказалось, что эта родственница – прелестная молодая особа. При виде этой девушки старик забыл о цели ее приезда и решил, что его шестидесятилетний стан еще достаточно строен для того, чтобы облачиться в свадебный фрак. Однако, к его глубочайшему негодованию, выяснилось, что наступили времена, когда даже Гнадевиц может получить отказ. Он пришел в ярость, когда девушка созналась ему, что, совершенно забыв о своем высоком положении, отдала сердце молодому офицеру недворянского происхождения, сыну одного из лесничих фон Гнадевица.

У молодого офицера Фербера не было ничего, кроме сабли и стройной фигуры. Тем не менее, он был очень образован и обходителен, к тому же обладал прекрасным характером. Когда после признания Вольф фон Гнадевиц оттолкнул от себя прелестную Марию, молодой Фербер женился на ней. В первые десять лет своего брака он не согласился бы поменяться местами ни с одним королем, но тут наступил 1814 год, принесший с собой тяжелые испытания и совершивший полный переворот в его жизни. Для Фербера наступил критический момент, когда ему пришлось выбирать между двумя чувствами: первое еще с колыбели внушалось ему отцом и побуждало любить ближнего своего как самого себя, а прежде всего своих соотечественников; второе же было чувством долга, и оно повелевало ему взяться за оружие.

В этой тяжелой борьбе победило первое. Фербер не пошел против своих братьев – и эта победа стоила ему карьеры и лишила обеспеченного положения. Он ушел в отставку. Вскоре после этого простуда уложила его в постель, и подняться он смог лишь спустя несколько лет. Потом бывший офицер с семьей переехал в Б., где получил сносное место бухгалтера в одной крупной торговой фирме, и как раз вовремя, так как капиталец жены сгинул при банкротстве банка и только неоднократная денежная помощь старшего и единственного брата Фербера, служившего лесничим в тюрингенском лесничестве, спасала несчастную семью от крайней нужды.

К сожалению, и такое благополучие продолжалось недолго. Начальник Фербера был очень набожным человеком и старался наставлять на путь истинный всех подчиненных. Фербер также не избежал этого, однако в его случае усердие Гагена – так звали владельца фирмы – встретило решительный отпор. По правде говоря, отпор этот не был агрессивным и основывался на глубоких научных знаниях, однако же он страшно возбудил набожную душу купца. Мысль о том, что он дает хлеб вольнодумцу и тем способствует гибели царства Божия, не давала Гагену покоя, пока он, наконец, не избавился от этой тяжести, написав приказ об увольнении Фербера – выгнав заблудшую овцу из своего стада.

К этому времени Вольф фон Гнадевиц уже отправился к праотцам, а поскольку он строго придерживался правила своих предков никогда не оставлять ни одной обиды неотмщенной, до того составил справедливое завещание, написанное им собственноручно. Согласно этому завещанию, ставшему подтверждением его родовой последовательности, дальний родственник его жены становился наследником всего имущества. Заканчивался документ следующими словами:

«Вследствие того, что Анна-Мария Фербер, урожденная фон Гнадевиц, имеет неоспоримые права на наследство, я завещаю ей замок Гнадек в Тюрингии. Анна-Мария не может не признать, что я совершаю благодеяние, оставляя ей приют, являющийся свидетельством благородства нашего рода, к которому она также принадлежит. Зная хорошо, что в этом замке всегда царили счастье и благоденствие, и обстоятельно взвесив сей неоспоримый факт, я нахожу излишним присоединять еще что-либо к этому подарку.

Если же она не сумеет оценить мой дар и пожелает продать его, то она тотчас же лишится своих прав на замок, который тогда перейдет в собственность сиротского дома в Л.».

Это завещание, составленное Вольфом фон Гнадевицем на смертном одре, было самой язвительной насмешкой.

Ни Фербер, ни жена его никогда не видели этого старинного замка, но им, как и всем, было известно, что он представляет собой груды развалин, которых в течение последних пятидесяти лет не касалась рука человека.

Вся домашняя утварь, панели и даже медные крыши с главных строений были сняты и перевезены в новый особняк в долине еще в самом начале его постройки. С тех пор тяжелые запоры и всякие замки на громадных дубовых воротах запылились и заржавели, столетние деревья спокойно росли около серых зданий, и скоро покинутый замок, скрывавшийся за густыми кронами, стал походить на древнюю мумию в гробу.

Счастливым наследником имущества фон Гнадевица, которому это владение среди леса было совершенно ни к чему, охотно продал бы старый замок за хорошую цену, но предусмотренная в завещании оговорка не допускала никаких своеволий.

Госпожа Фербер, прочитав доставленную ей копию завещания и уронив на нее несколько горьких слезинок, молча положила ее на письменный стол мужа и снова с рвением принялась за свое вышивание. Фербер, несмотря на все старания и хлопоты, не мог получить никакого места и принужден был зарабатывать на кусок хлеба для семьи дурно оплачиваемыми переводами и перепиской бумаг и нот. Жена помогала ему рукоделием.

Какими бы мрачными ни были тучи, сгустившиеся над этой семьей, все же на небе засверкала звездочка, казавшаяся обещанием и залогом благословения, заменяющего все земные блага. Фербер ощутил на себе ее благотворное влияние, когда впервые приблизился к колыбели своей дочурки и бросил любящий взгляд на ее нежное личико с прекрасными глазами, казалось, уже улыбавшимися ему.

Прошло несколько лет. Подруги, держа у купели девочку, спорили, кто из них больше любит крестницу, клялись не забывать этого дня, но когда дела Фербера стали совсем плохи, об этих обещаниях они уже не вспоминали.

Этот печальный опыт, приобретенный Елизаветой на девятом году жизни, нисколько не беспокоил ее. Добрая фея наделила ее веселым, ровным характером и большой силой воли.

Фербер сам учил свою дочь. Она никогда не ходила ни в школу, ни в колледж. Умственные способности Елизаветы быстро развивались под руководством даровитых родителей. Науки она изучала очень серьезно и с горячим стремлением основательно знать все, чем бы она ни занималась. В музыке она упражнялась усердно и с любовью, с какой обыкновенно человек отдается тому предмету, в котором видит свое призвание. Вскоре она далеко превзошла свою учительницу – мать.

Несмотря на то что была еще ребенком, заметив мрачное облачко на лице отца, девочка тотчас же бросала свои игрушки, садилась к нему на колени и рассказывала ему чудные сказки собственного сочинения. Позднее она изгоняла демонов тоски из души отца замечательными мелодиями, зарождавшимися в ее душе и переливавшимися, как жемчуг. Прекрасная игра девушки в мансарде привлекла внимание других обитателей дома. Елизавете предложили давать частные уроки, а затем и преподавать в гимназии, благодаря чему она могла значительно облегчить усилия родителей в заботах о хлебе насущном.

Теперь мы можем снова продолжать начатый рассказ и последуем за девушкой, спешившей в бурный зимний вечер под родительский кров.

Глава 2

Преодолевая долгий путь по улицам, Елизавета испытывала такое же наслаждение, как и каждый раз, когда входила в свою уютную комнату. У письменного стола, освещенного небольшой лампой, ждал ее отец, с улыбкой отрывавший от бумаг бледное свое лицо при звуке шагов дочери. Он перекладывал перо, неутомимо скользившее весь день по бумаге, в левую руку, а правой привлекал к себе дочь и целовал ее в лоб. Мать, сидевшая возле него с рабочей корзинкой в ногах, приветствовала Елизавету нежной улыбкой и указывала на домашние туфли дочери, заботливо принесенные ею в теплую комнату. В горячей печной трубе пеклись яблоки, а в уютном уголке возле печки

на деревянном столе шипел чайник. Синее пламя спиртовки освещало целый полк оловянных солдатиков, расставленных шестилетним Эрнстом, единственным братом Елизаветы.

Девушка должна была взобраться на четвертый этаж, чтобы попасть в узкий темный коридор, ведущий к квартире родителей. Здесь она, сняв шляпу, достала из-под пальто новую детскую шапку, надела ее и в таком виде вошла в комнату, где маленький Эрнст с криком радости бросился ей навстречу.

Сегодня темный уголок у печки был ярко освещен, а письменный стол оставался в темноте. Отец сидел на диване, обняв жену. На их лицах было какое-то необычное выражение, глаза матери были заплаканы, но Елизавета сразу поняла, что это слезы радости. Она с изумлением остановилась в дверях: удивленное лицо и съехавшая набок шапка, вероятно, придавали ей очень комичный вид, так как родители от души расхохотались. Елизавета присоединилась к ним и надела шапку на темные локоны маленького брата.

– На, голубчик, – сказала она, нежно взяв в свои руки личико мальчика и целуя его, – это тебе. Мамочке я тоже кое-что принесла, – с радостной улыбкой продолжала Елизавета, вложив в руку матери четыре новеньких талера. – Сегодня я получила свое первое жалованье в гимназии.

– Ну что ты! – воскликнула мать, привлекая дочь к себе. – Прошлогодня шапка Эрнста еще вполне приличная, а вот тебе нужны теплые перчатки.

– Мне, мама? Пощупай мои руки, я только что с улицы, а они такие теплые, как будто грелись у печки. Нет, это было бы излишней роскошью. Наш мальчик так вырос с прошлого года, а его шапка осталась того же размера, и потому эта трата в данный момент была самой необходимой.

– Ах ты, милая, хорошая Эльза! – воскликнул восхищенный мальчуган. – Такой чудной шапочки нет даже у маленького барона с первого этажа. Я ее надену, когда пойду на охоту, правда, папа?

– На охоту? – рассмеялась Елизавета. – Уж не собираешься ли ты стрелять по несчастным воробьям в парке?

– Не угадала, Эльза! – возликовал мальчик и серьезно добавил: – В парке мне этого не позволили бы. Нет, в лесу, в настоящем лесу, где оленей и зайцев не перечесать, так что когда захочешь застрелить одного из них, даже целиться не надо.

– Я очень хочу знать, как отнесся бы дядя к такому отношению к благородным животным, – с улыбкой проговорил отец и, взяв со стола письмо, подал его Эльзе со словами: – Прочти, милое дитя. Это от «лесного дяди», как ты его называешь, из Тюрингии.

Елизавета пробежала глазами по первым строкам, затем стала читать вслух:

«...Князь, которому, по-видимому, кислая капуста с ветчиной кажется более вкусной, чем паштеты, изготовляемые поваром-французом в его замке Л., провел третьего дня в моем доме много часов. Он был в очень хорошем настроении и сказал, что думает взять мне в помощники письмоводителя, так как видит, что на меня возложено слишком много. Тут я воспользовался случаем и рассказал ему о том, как жестоко трепала тебя судьба в последние годы и как, несмотря на все твои таланты и познания, приходится тебе держать зубы на полке. Старик сейчас же смекнул, к чему я веду, и сказал, что готов взять тебя письмоводителем, потому что... Тут он наговорил мне разных разностей, которые тебе совершенно незачем знать, но которым я, старый дед, так же обрадовался, как на экзаменах в школе, когда наш учитель сказал мне: «Молодец, Карл, ты хорошо сделал свое дело». Ну-с, его светлость поручил написать тебе об этом и отдал соответствующие распоряжения. Содержание – 350 талеров и его дрова. Подумай – это неплохое предложение! А зеленый лес, по-моему, во сто крат лучше, чем ваша распроклятая каморка на чердаке, где вечно мяукают кошки и дым из целого леса труб постоянно ест глаза.

Только не воображай, пожалуйста, что я из тех подлиз, которые пользуются расположением хозяев, чтобы пристроить своих родственников на теплое местечко. Знай, что, если бы ты был не тем, что ты есть, т. е. если бы не знал прекрасно своего дела, я скорее откусил бы себе язык, чем стал просить за тебя. Но, вместе с тем, я точно так же стал бы ходатайствовать за всякого совершенно постороннего человека, обладающего такими же знаниями, как ты. Не сердись, но ты знаешь, что я враг всего недосказанного и невыясненного.

Однако тут возникает загвоздка, которую следует обсудить. Собственно говоря, ты должен был бы жить у меня. Это оказалось бы вполне возможным, если бы ты

был холостяком, которому нужны только четыре стены и крыша над головой для собственной персоны и ящик в комод для воротничков и прочей дребедени. Однако для целой семьи не найдется места в моей старой берлоге, давно уже нуждающейся в основательном ремонте, хотя высшие мира сего и не подумают об этом, пока она не развалится. Ближайшая деревня находится в получасе, а город – в часе ходьбы от лесничества. Это совершенно не подходит, так как ты не сможешь бегать в такую даль по скверной погоде, которая часто бывает у нас.

В связи с этим моей старой домоправительнице Сабине, родившейся в соседней деревне, пришла в голову весьма нелепая мысль. Старый замок Гнадек, «блестящее» наследие покойного фон Гнадевица, находится близко от нас. Сабина, еще будучи девицей, что, кстати сказать, было более четверти века назад, служила горничной у Гнадевица. В то время новый замок еще не был достроен и в нем не хватало места для множества гостей, приезжавших каждый год на большую охоту. Тогда немного приводилось в порядок так называемое «среднее здание» замка Гнадека, вероятно, какая-нибудь постройка, соединяющая два крыла главной части замка. Сабине приходилось стелить постели и проветривать эти комнаты, причем у нее всегда в тот момент уходила душа в пятки от страха. Ну да это на нее похоже, потому что в ее голове целый ворох всяких страшных сказок о ведьмах и нечистой силе, хотя в остальном Сабина очень порядочная женщина и ведет мое хозяйство и содержит дом в образцовой чистоте. Она уверяет, что это среднее здание еще не могло полностью разрушиться, потому что в то время было в довольно хорошем состоянии. Возможно, удастся устроить там сносное пристанище для тебя и твоей семьи. Но, может быть, твоим детям будет страшно жить в этих дряхлых стенах?

Ты знаешь, как я злился, узнав о завещании «блаженной» памяти господина фон Гнадевица, а потому никак не мог заставить себя пойти хотя бы взглянуть на эту развалюху. Однако после уверений Сабины один из моих лесников вчера влез-таки на дерево, чтобы заглянуть в это совиное логово. Он сказал, что там черт ногу сломит – сильно все заросло. Тогда я сегодня утром отправился в городской суд. Однако там без доверенности твоей жены ключей не выдали и вообще вели себя так, будто в этой старой развалине хранятся невесть какие сокровища. Никто из тех, кто в свое время опечатали замок, не мог сказать мне, что делается в доме, потому что все они предусмотрительно туда не входили из боязни, что какой-нибудь потолок пожелает обрушиться на их мудрые головы, и ограничились тем, что налепили на ворота дюжину печатей с ладонь величиной. Я очень хотел бы осмотреть все это вместе с тобой, а потому

решайся скорее, забирай своих и собирайся в путь...»

Тут Елизавета опустила письмо и, затаив дыхание, устремила горящий взор на отца.

- Ну, что же ты решил, дорогой отец? - задыхаясь, спросила она.

- Мне довольно тяжело сообщать тебе свое решение, - серьезно проговорил он, - потому что я ясно вижу по твоему лицу, что ты ни за что на свете не согласишься променять прекрасный шумный Б. на лесное уединение. Но, вопреки этому, ты должна узнать, что вон там, на столе, лежит, уже в конверте и запечатанное, мое прошение князю Л... Однако мы готовы принять во внимание и твое желание, а поэтому согласны оставить тебя здесь, если ты...

- Если Елизавета не поедет, так и я лучше останусь здесь, - перебил его маленький Эрнст, боязливо прижимаясь к сестре.

- Успокойся, голубчик, - со смехом проговорила Елизавета, - уж мне, наверное, хватит места в экипаже, а если нет, то ведь ты знаешь, что я отважна, как солдат, и бегаю так быстро, как заяц. Компасом мне послужит моя любовь к зеленому лесу, уже с детства занимающая немалый уголок в моем сердце. Таким образом, я мужественно отправлюсь в путь на своих двоих. Ну, что вы сделаете, когда в один прекрасный вечер бедный усталый путник в истоптанных башмаках и с пустыми карманами постучит в старые ворота замка и попросит приюта?

- Конечно, нам придется впустить его, вернее ее, - с улыбкой ответил отец, - если мы не захотим навлечь на свой ветхий дом месть всех добрых духов, оберегающих отважные сердца... Впрочем, тебе, вероятно, придется пройти мимо старого замка и остановиться у некой одинокой избушки в лесу, если ты захочешь найти нас, потому что вряд ли нам удастся устроиться в этих развалинах.

- Этого я тоже побаиваюсь, - заметила мать. - Мы с громадным трудом проберемся сквозь эти заросли, как некогда несчастные женихи Спящей Красавицы, а найдем там...

– Да это поэзия! – воскликнула Елизавета. – Ах, мы в некотором роде лишимся очарования жизни в лесу, если не сможем поселиться в старом замке! В какой-нибудь башне, наверное, найдутся четыре стены покрепче и хорошо сохранившаяся крыша, а остальное, поразмыслив хорошенько, можно всегда устроить. Мы заткнем щели мхом, заколотим досками ненужные двери и сами оклеим стены обоями. Растрескавшийся пол мы застелим собственноручно сплетенными из соломы матами, объявим войну лакомкам в сереньких шубках, которые вздумают сделать набег на нашу кладовую, и, вооруженные метлами, смело ринемся на огромных пауков, висящих над нашими головами.

Погрузившись в мечты о предстоящей жизни в лесу, Елизавета с горящими глазами подошла к роялю и открыла крышку. Это был старый инструмент, издававший хриплые звуки, но «Весенняя песнь» Мендельсона с чарующей нежностью полилась из-под пальцев девушки.

Родители молча сидели на диване, слушая музыку с почти религиозным восторгом. Маленький Эрнст уснул. Буря улеглась, но в окнах было видно, как на землю падают большие хлопья снега. Трубы соседних домов, из которых больше уже не клубился дым, медленно надевали белый ночной колпак и мрачно смотрели в окна маленькой комнатки, где посреди зимней вьюги ликовала весна.

Глава 3

Троица! Слово, которое будет пленять человеческие души, пока будет цвести хоть одно дерево, раздаваться песня хоть одного жаворонка и сиять безоблачное голубое небо. Даже под кирасой эгоизма, даже под снегом старости, даже в безразличном усталом сердце, отягощенном заботами и горестями, это слово еще находит отклик.

Троица на дворе! В горах Тюрингена веет теплый ветерок, сдувает с их вершин остатки снега. Там, где еще несколько недель назад гневно бурлили весенние потоки, уже зеленеют яркие ковры мхов, которые бережно закрывают наболевшие за зиму раны дряхлых гор, иссеченных серебристыми нитями веселых ручейков.

По проезжей дороге, вьющейся в живописной долине среди тюрингенского леса, мчалась нагруженная почтовая карета, в ней семья Фербера направлялась в свое новое жилище. Еще не рассвело; звон с какой-то маленькой колокольни возвестил, что всего лишь три часа. Елизавета высунулась из душного экипажа и жадно вдыхала свежий лесной воздух, который, как она утверждала, моментально очищал глаза и легкие от городской пыли. Задумчивый Фербер-отец сидел напротив дочери. Он наслаждался красотой местности, но еще больше его трогали сияющие глаза девушки, которая удивительно глубоко чувствовала чарующую прелесть природы и была бесконечно благодарна за наступившую перемену обстоятельств.

С каким рвением работали ее прилежные руки, когда, наконец, они получили долгожданные бумаги о назначении Фербера! Елизавета взяла на себя все хлопоты по переезду.

Князь выделил приличную сумму своему новому служащему на дорогу, да и дядя оказал посильную помощь, однако, несмотря на то что семейство на всем сэкономило, этого все равно не хватало, поэтому Елизавета брала заказы в бельевом магазине и проводила за шитьем те немногие свободные ночные часы, которые предназначались для отдыха. Мирно спавшие родители даже не подозревали об этом.

Эта неустанная деятельность была омрачена лишь одним обстоятельством, стоившим Елизавете немало горьких слез. Причиной их было то, что пришли два работника и взвалили на плечи ее любимый рояль, чтобы отнести его новому владельцу. Рояль пришлось продать за несколько талеров, поскольку ввиду преклонного возраста он не выдержал бы далекой дороги. А ведь он всегда был верным другом их семьи! Его слабый дрожащий звук был так же мил сердцу молодой хозяйки, как голос матери, а теперь по его почтенным клавишам, быть может, будут колотить какие-нибудь шаловливые детские ручки и замучают старый инструмент, и он заглохнет навеки.

Путешественники в течение получаса ехали по ровной проезжей дороге, затем свернули на проселочную, рассекающую густой лес. Солнце сияло во всей красе и весело смотрело на землю. Прошлой ночью около полуночи над этой местностью пронеслась гроза с проливным дождем, и крупные капли еще висели на листьях деревьев и с шумом падали на крышу экипажа, когда возница задевал кнутом свесившуюся ветку.

Вскоре лес стал редеть, и через некоторое время пассажиры увидели домик лесника, стоявший на большом зеленом лугу. Возница затрубил в рог, в ответ на это раздался лай собак и большая стая испуганных голубей с шумом поднялась с крыши.

В дверях дома показался человек в форме лесничего. Это был богатырь с громадной бородой. Мужчина внимательно всматривался в экипаж, а затем с радостным возгласом сбежал с крыльца, распахнул дверцы подъехавшей кареты и прижал выскочившего Фербера к своей груди. Братья несколько мгновений простояли обнявшись, затем лесничий, отстранившись, положил руки брату на плечи и окинул всю его тщедушную фигуру внимательным взглядом.

– Бедный Адольф! – наконец проговорил он, причем его низкий голос слегка дрогнул. – Во что превратила тебя жизнь! Ну, подожди, ты быстро поправишься, тут у меня будешь как рыба в воде – еще время не ушло... – Стараясь совладать с волнением, лесничий принялся высаживать из экипажа свою невестку и маленького Эрнста, которого осыпал ласками. – Вы спозаранок двинулись в путь, надо признать, не каждому это под силу!

– Какое у тебя мнение о нас, дядя! – отозвалась из экипажа Елизавета. – Мы вовсе не сони и прекрасно знаем, как ласково солнышко, когда оно шлет земле свой утренний привет.

– Вот тебе на! – изумленно воскликнул дядя. – Что это там вздумало рассуждать в углу? Ну-ка, вылезай, маленький мышонок!

– Я – маленькая? Ну, дядюшка, ты очень удивишься, когда увидишь, какая я большая девица. – С этими словами Елизавета выскочила из экипажа и, став на цыпочки около него, вытянулась во весь рост. Хоть она была выше среднего роста, создалось впечатление, будто изящная трясогузка вздумала тягаться с величественным орлом. – Видишь, – добавила Елизавета, слегка сбавив тон, – я почти достаю до твоего плеча, а этого для порядочной девушки более чем достаточно.

Дядя, широко улыбаясь, несколько мгновений лукаво смотрел на нее сбоку, а затем взял ее, как перышко, на руки и под дружный смех остальных понес в дом, где закричал громовым голосом:

– Сабина, иди, я покажу тебе, каковы в Б. маленькие птички!

В сенях он осторожно, словно хрупкую игрушку, поставил перепуганную девушку на пол, нежно взял ее голову своими громадными руками, несколько раз поцеловал ее в лоб и воскликнул:

– И этакий лилипут, этакий эльф воображает себя такой же большой, как ее дядя! Маленькая волшебница, кому как не тебе знать, каково солнце, когда у тебя вся голова облита солнечными лучами.

Из-за того, что дядя умчал молодую племянницу быстрой рысью, шляпа слетела с ее головы, открыв необычайно густые белокурые волосы, золотистый оттенок которых резко контрастировал с совершенно черными бровями и ресницами.

Между тем из боковой двери вышла старушка, а наверху, на площадке лестницы, показалось несколько мужских лиц, но они исчезли тотчас, как только лесничий взглянул наверх.

– Нечего прятаться, я все равно уже видел вас! – со смехом воскликнул он и пояснил, обращаясь к брату: – Это мои молодцы, они любопытны, как воробьи. Но сегодня, положим, их нельзя упрекать за это! – с улыбкой заметил он, искоса поглядывая на свою племянницу, которая скалывала распустившиеся косы. Затем, взяв за руку старушку, лесничий с комической торжественностью представил ее:

– Девушка Сабина Гольцин – министр внутренних дел нашего дома, начальник полиции для всего живущего во дворе и в конюшне лесничества и неограниченная правительница кухонного департамента. Когда она приносит на стол обед, вы смело можете откликаться на ее зов. Но когда она, чего доброго, начнет вам выкладывать свои рассказы о нечистой силе, бегите от нее, что есть мочи, так как им не будет конца. Ну а теперь, – обратился он к смеющейся старухе, которая была чрезвычайно некрасива, но располагала к себе открытым взглядом, улыбчивостью и безукоризненной чистотой наряда, – неси скорее сюда все, что у тебя есть! Ведь ты же испекла пирог, чтобы гостям было с чем-нибудь свежим выпить кофе?

С этими словами он указал на кухню и открыл дверь в просторную, светлую угловую комнату. Все вошли в нее, только Елизавета не могла удержаться,

чтобы еще раз не выглянуть в дверь, ведущую во двор.

Сквозь белый забор, ограждавший со всех сторон территорию, населенную разной птицей, виднелись пестрые цветочные клумбы, а несколько яблонь, стоявших уже в полном цвету, простирали далеко во двор свои развесистые ветви. Большой сад поднимался в виде террасы по склону горы и, заканчиваясь группой старых буков, примыкал к лесу.

В то время как Елизавета, замечтавшись, стояла на пороге дома, одна из дверей открылась и из нее вышла девушка необыкновенной красоты. Она была маленького роста, зато ее громадные глаза сияли, как звезды, на прелестном личике. Черные волосы были с видимым кокетством зачесаны наверх; несколько завитков ниспадало на белый лоб классической формы. Наряд говорил о том, что ему уделяли большое внимание, а из-под красиво подобранных складок юбки виднелись две изящные ножки, которым, конечно, незачем было прятаться.

Девушка держала в руках корзину и, зачерпывая из нее пригоршней зерно, бросала его на землю. Во дворе тотчас же поднялся шум и гам, с крыши слетели голуби, куры с кудахтаньем оставили свои насесты, а дворовая собака также сочла своей обязанностью принять участие в общем переполохе и залаяла. Елизавета была изумлена. Да, у дяди была жена, но у них никогда не было детей. Кто же эта девушка, о которой он никогда не упоминал даже в своих письмах?

Елизавета спустилась со ступенек и подошла ближе к незнакомке.

– Вы тоже здесь живете? – приветливо спросила она.

Черные глаза уставились на Елизавету, и в них появилось выражение чрезвычайного удивления, но тотчас губы сложились в высокомерную гримасу и плотно сжались. Незнакомка опустила веки и молча продолжала бросать зерно, как будто никого не было около нее.

В эту минуту Сабина, неся в руках поднос с кофейными чашками, проходила мимо двери и поманила к себе пораженную Елизавету. Когда девушка подошла к старухе, та взяла ее за руку и завела в дом, проговорив:

– Идите сюда, деточка, вам тут нечего делать.

В столовой все уже расселись так непринужденно, как будто собирались здесь изо дня в день. Мать разместилась в удобном кресле, кем-то заботливо пододвинутом к окну, из которого открывался прекрасный вид на лес. Большая кошка устроилась у нее на коленях, с видимым удовольствием позволяя себя гладить. Для Эрнста все стены столовой являлись сокровищницей различных интересных предметов. Он взбирался то на один стул, то на другой и в эту минуту стоял в безмолвном восторге перед большим стеклянным ящиком, заключавшим в себе прекрасную коллекцию бабочек... Братья Ферберы сидели на диване, беседуя о будущем местожительстве вновь прибывших. Елизавета услышала, как дядя сказал:

– Если на горе вам нельзя будет устроиться, вы пока разместитесь наверху, в моей комнате. Я перенесу свой письменный стол и другие пожитки вниз и буду обивать пороги в городе, пока мне не надстроят над флигелем второй этаж.

Елизавета сняла дорожный плащ и стала помогать Сабине накрывать на стол. Радостное настроение было омрачено несколько мгновений назад: к ней еще никто и никогда не относился так недружелюбно, как черноглазая девушка во дворе. Она так удивилась и обрадовалась, встретив здесь девушку своих лет, что отпор, данный ей, причинил сильную боль. Однако красота незнакомки возбудила в ней живейший интерес.

Задумчивое выражение лица Елизаветы тотчас обратило на себя внимание матери, она подозвала к себе дочь, и та начала рассказывать, как встретила во дворе девушку. При первых же словах племянницы лесничий обернулся к ней, и его лицо помрачнело.

– Так ты уже видела ее? – заговорил он. – В таком случае расскажу вам, кто она. Я взял ее к себе в дом несколько лет тому назад в помощь Сабине. Зовут ее Берта. Это дальняя родственница моей жены, круглая сирота. Я хотел сделать доброе дело, а вместо этого надел себе петлю на шею. Уже с первых дней я заметил, что у нее в голове нет ни одной здоровой мысли, только нелепости и высокомерие. Мне хотелось отправить ее обратно туда, откуда она явилась, но за нее стала просить Сабина, хоть не имела для этого ни малейшего основания, так как девчонка доставляла ей много хлопот и на каждом шагу давала почувствовать, что она родственница хозяина. Я пытался заставить ее усерднее работать, чтобы изгнать из нее беса высокомерия, и дело как будто наладилось. Но по соседству, в Линдгофе (это бывшее владение Гнадевицев, которое

наследники продали некоему господину фон Вальде), с год тому назад поселилась баронесса Лессен. Сам владелец человек холостой, вроде бы археолог, почти все время путешествует и оставил свою единственную незамужнюю сестру на попечение этой баронессы. Не приведи Господь! С тех пор там все идет шиворот-навыворот. Баронесса мнит себя очень благочестивой, но из-за ханжества сделалась жестокой, черствой и бессердечной. Всех, кто при виде ее не опускает глаз к земле, а устремляет взгляд вверх, туда, где пребывает Господь, она злобно преследует, как собака дичь. Берта познакомилась с одной из горничных и стала проводить там все свободное время. Сначала я не обратил на это внимания, но тут она вздумала наставлять на путь истинный и нас. Выяснилось, что Сабина недостаточно набожна, потому что по десять раз на день не бросает своей работы, чтобы помолиться. Мне она тоже попыталась проповедовать, да только я в ответ запретил ей бывать в Линдгофе. Это, конечно, мало помогло – племянница пользуется каждым удобным моментом, чтобы потихоньку сбежать туда. О какой-нибудь благодарности за то, что я о ней забочусь, речь не идет. Между мной и ею нет ничего общего, а потому вдвойне тяжело опекать ее. Бог знает, что за нелепая мысль пришла ей в голову, но вот уже два месяца она будто онемела, не произносит ни звука. Ни строгость, ни убеждения – ничто не помогает. Берта по-прежнему исполняет свои обязанности, ест и пьет, как и всякий здоровый человек, и ни на йоту не стала менее тщеславной, чем прежде. Ввиду того, что она немного побледнела, я обратился за советом к врачу. Он заключил, что физически девушка здорова, но очень экзальтирована, и, так как в ее семье было несколько случаев умопомешательства, лучше оставить все как есть. Со временем ей самой надоест молчать, и она начнет болтать как сорока. Ну, милая златокудрая головка, – обратился лесничий к Елизавете, проведя рукой по ее лбу, как бы желая отогнать мрачные мысли, – придвинь-ка кресло своей мамы сюда, повяжи салфетку этому молодцу, и будем завтракать. Потом немного отдохнете после утомительного пути. А после обеда мы отправимся наверх, в Гнадек. Будет неплохо, если ваши глаза сначала подкрепятся сном, а то, пожалуй, они не перенесут блеска того, что нам предстоит там увидеть.

После завтрака, пока отец и мать дремали, а маленький Эрнст видел во сне все чудеса, встреченные им в домике лесничего, Елизавета раскладывала вещи. Она не могла уснуть, беспрестанно подходила к окну и смотрела на покрытую лесом гору, склон которой начинался недалеко от дома дяди. Там, наверху, среди деревьев виднелся на фоне яркого голубого неба черный шпиль. Это был, как сказала ей Сабина, возвышавшийся на крыше замка Гнадек железный шпиль, на котором в былые времена гордо развевался флаг Гнадевицев. Найдется ли там, за деревьями, так горячо желанный приют, где ее родители смогут обрести

покой после многолетних утомительных скитаний?

Взгляд Елизаветы временами скользил и по двору, но безмолвная девушка больше не показывалась. Она не появилась и за обедом, похоже, решив избегать всякого общения с гостями. Елизавете было очень жаль Берту, хотя рассказ дяди произвел на нее неприятное впечатление. Но молодость не так легко отказывается от своих иллюзий и предпочитает разочаровываться, видя, что они лопаются, как мыльные пузыри, а не принимать к сведению слова старших.

«Немая» девушка все больше и больше интересовала Елизавету, и она терялась в догадках относительно причин ее загадочного молчания.

Глава 4

После обеда Сабина взяла с полки туго набитую трубку, подожгла бумажку и подала все это дяде.

– Что ты, Сабина? – воскликнул тот с комическим негодованием. – Неужели ты думаешь, что я смогу спокойно курить трубку, когда у маленькой Эльзы уже ноги не стоят на месте от нетерпения поскорее подняться на гору и сунуть носик в замок? Нет, я думаю, теперь нам нужно отправиться в путь.

Все начали готовиться к выходу. Лесничий предложил руку невестке, и остальные двинулись за ними. На дворе к ним присоединился еще один человек – каменщик, которого дядюшка на всякий случай хотел иметь под рукой.

Пришлось подниматься в гору по крутой дорожке, однако она стала постепенно расширяться и, наконец, закончилась небольшой площадкой, за которой возвышалась, как казалось на первый взгляд, большая скала.

– Имею удовольствие представить тебе наследие блаженной памяти господина фон Гнадевица во всем его великолепии, – с саркастической улыбкой проговорил лесничий, обращаясь к изумленному Ферберу.

Они стояли перед высокой стеной, производившей впечатление монолитной гранитной громады. Зданий позади нее не было видно, их закрывали подступившие вплотную деревья. Лесничий пошел вдоль стены и остановился, наконец, около огромных дубовых ворот, заканчивавшихся железной решеткой. Здесь он накануне приказал расчистить кусты. Он достал из кармана связку ключей, которую госпожа Фербер получила в Л., когда семейство проезжало через него.

Понадобилось немало усилий, чтобы очистить от ржавчины замки и засовы. Наконец ворота поддались, подняв облако пыли. Вошедшие очутились во дворе, с трех сторон окруженном зданиями.

Перед вошедшими возвышался величественный фасад замка, к нему вела широкая каменная лестница с тяжеловесными железными перилами. Вдоль боковых флигелей тянулась мрачная колоннада, гранитные колонны и арки которой, казалось, решили оказать сопротивление времени. Несколько старых каштанов посреди двора простирали свои тощие ветви над громадным бассейном, в центре его возвышались четыре каменных льва с разинутыми пастьями. В былые времена здесь, вероятно, били четыре фонтана, теперь же меж зубов одного из грозных чудовищ бежала лишь тоненькая струйка, своим тихим меланхолическим журчанием привносящая некоторое подобие жизни в эту картину полного упадка. Наружные стены зданий и колоннады были единственными объектами, на которых мог безбоязненно остановиться взгляд. Окна без стекол давали возможность видеть ужасное разрушение внутри зданий. В некоторых комнатах обвалились потолки, в других провисали балки, готовые обрушиться при малейшем прикосновении. Лестница местами угрожающе висела в воздухе; некоторые большие, поросшие мхом камни, оторвавшись, докатились до середины двора.

– Тут ничего не сделаешь, пойдём дальше, – сказал Фербер.

Пройдя под аркой, они попали во второй двор, который был гораздо больше первого, но вследствие своей неправильной формы производил еще худшее впечатление. Большое мрачное полуразвалившееся строение далеко вдавалось в этот двор и закрывало собой угол, куда не проникал ни один солнечный луч. Тут возвышалась неприветливая башня, бросая густую тень на прилегающий боковой флигель. Старый куст бузины, листья которого были покрыты осыпавшейся побелкой, и несколько пучков жухлой травы придавали этому месту еще более унылый вид. Ни один звук не нарушал мертвой тишины,

царившей здесь, а потому даже шорох собственных шагов, гулко раздававшийся в мощенном камнем дворе, произвел на вошедших жуткое впечатление.

– Эти могущественные господа возводили каменные громады, рассчитывая, что колыбель их рода будет нерушима и прославит их имя на все времена. – Фербер вздохнул: на него столь полный упадок произвел сильнейшее впечатление. – Каждый из них, как это видно по различным стилям построек, устраивал родовой замок сообразно своим вкусам и потребностям, не думая, что этому когда-то наступит конец.

– И все же он просуществовал лишь краткое мгновение вечности, – перебил его лесничий. – Но пойдете дальше. Бр-р... Мне холодно... Здесь царят смерть и запустение...

– Ты называешь это смертью, дядя? – внезапно подала голос Елизавета, указывая на одну из арок.

Там за решеткой виднелась залитая солнцем яркая зелень, и между железными прутьями просовывались душистые цветки шиповника.

Елизавета в несколько прыжков очутилась около ворот и, сильно дернув, отворила их. Довольно большая площадка, на которой она очутилась, видимо, представляла собой когда-то сад. Теперь уже нельзя было так назвать чащу, сквозь которую никто бы не продрался. Кое-где в просветах меж зарослей кустов, переплетенных вьющимися растениями, виднелись изуродованные статуи. Дикий виноград покрывал до самого верха стену прилегающего здания, обвивая подоконники и ниспадая оттуда зеленым дождем на одичавшие кусты роз и сирени. Над этим отрезанным от мира клочком земли раздавалось невообразимое жужжание, в воздухе носилось бесчисленное множество бабочек, а по гигантским папоротникам бегали гурьбой блестящие жучки. Сад был с трех сторон окружен двухэтажными зданиями, а с четвертой замыкался валом, за которым виднелся лес. Постройки и тут мало чем отличались от остальных – довольно хорошо сохранившиеся стены снаружи и полнейшее разрушение внутри. Только одноэтажное здание, стиснутое с двух сторон высокими флигелями, имело совсем другой вид. Оно не было прозрачным, как другие постройки, лишённые окон и дверей. Плоская крыша с кружевными каменными выступами, очевидно, одержала победу над бурями и непогодой. Лесничий высказал предположение, что это, очевидно, и есть то самое хвалёное «среднее здание», о котором говорила Сабина. Можно было допустить, что оно

и внутри не в таком безнадежном состоянии, как остальные постройки. Только дядя не мог сообразить, каким образом можно добраться до этого «ласточкиного гнезда», так как не было видно ни лестницы, ни дверей – все закрывала непроницаемая зеленая стена. Вследствие этого приехавшие решили подняться по лестнице одного из боковых флигелей, на вид довольно крепкой, и таким образом добраться через обветшавшие постройки до цели, составлявшей главную надежду семьи. Это им удалось.

Все вошли в большой зал, потолком которому служило голубое небо, а единственным украшением – несколько зеленых кустов, выросших на стенах. Разрушенные балки, части крыши, куски потолка со следами росписи образовали целые завалы, через которые пришлось перелезть нашим путникам. Затем последовал ряд комнат, в таком же «блестящем» состоянии. На стенах виднелись обрывки семейных портретов, на одних из которых сохранился только глаз, на других – две скрещенные женские руки или мужская нога в театральной позе, что производило комичное и вместе с тем жуткое впечатление. Наконец все добрались до последней комнаты и очутились перед заложеной дверью.

– Ага, – сказал Фербер, – таким образом хотели уберечь среднее здание от всеобщего разрушения. Я думаю, разумнее разобрать эти кирпичи, чем продолжать наши опасные изыскания.

Это предложение было одобрено, и каменщик приступил к делу. Оба брата усердно ему помогали, и вскоре в открывшемся проеме показалась толстая дубовая дверь, легко поддавшаяся напору мужчин. Все вошли в темное и затхлое помещение. Только слабый луч света проникал в узкую щель и указывал на месторасположение окна. Оконная задвижка и ставни, плотно прижатые снаружи ветвями деревьев, оказали было упорное сопротивление усилиям лесничего, но все же поддались спустя некоторое время: ставни с визгом разошлись в стороны – и в окно ворвался яркий солнечный свет, озарив очень просторную комнату, остальные окна которой были завешены гобеленами. На потолке в каждом углу красовался герб Гнадевицев.

Ко всеобщему удивлению, комната оказалась полностью меблированной спальней. У стены стояли две кровати под пологам, на них было постелено полотняное белье, а поверх него – шелковые стеганные одеяла. Здесь было все необходимое для удобства богатых людей, хоть и покрытое слоем пыли, но вполне пригодное для использования. К этой комнате примыкала другая, с двумя окнами. Она также была обставлена, причем мебель, как видно, свозили

сюда отовсюду. Старинный письменный стол с вычурными точеными ножками и мозаичной столешницей соседствовал с обтянутым красной материей диваном более современной модели. Золотые рамы картин, висевших на стенах и изображавших сцены охоты, не гармонировали с посеребренной оправой большого венецианского зеркала. И тем не менее в комнате было все необходимое для того, чтобы она выглядела уютной. На полу даже лежал ковер, правда, немного поблекший, а под зеркалом стояли красивые старинные часы.

Затем все перешли в небольшой, также меблированный кабинет, дверь из которого вела на лестницу. За этой комнатой находилась прихожая, два ее окна выходили в сад. В одной из боковых комнат, предназначавшихся, очевидно, для прислуги, стояла простая сосновая мебель и две кровати.

– Черт возьми! – поразился лесничий. – Мы нашли тут такие богатства, о которых и мечтать не смели. Если бы покойник узнал об этом, то, наверное, перевернулся бы в своем гробу. Всеми этими сокровищами мы обязаны, видно, какой-нибудь нерадивой ключнице или забывчивому дворецкому.

– И всем этим мы можем пользоваться? – в один голос спросили Елизавета и госпожа Фербер, которые до сих пор не могли вымолвить ни слова от радостного изумления.

– Конечно, милая, – успокоил жену Фербер. – Дядя завещал тебе замок со всем, что в нем находится.

– Не скажу, что это слишком много, – проворчал лесничий.

– Но сравнительно с нашими ожиданиями – настоящий клад, – проговорила госпожа Фербер, открывая красивый шкаф, где стояла различная фарфоровая посуда очень хорошего качества. – И если бы тогда, когда я еще бодро и с надеждой смотрела на жизнь, дядя оставил мне наследство, это, наверное, не произвело бы на меня большего впечатления, чем сегодняшнее открытие, избавляющее нас от многих хлопот.

Елизавета высунулась в окно первой комнаты и старалась раздвинуть руками ветви, загораживающие окна всего фасада и пропускавшие в комнаты только совсем чуть-чуть зеленоватого света.

– Как жаль! – произнесла она, убедившись в тщетности своих попыток. – Мне хотелось увидеть лес.

– Неужели ты думаешь, что я оставлю вас за этими зелеными баррикадами, вовсе не пропускающими свежего воздуха? – успокоил ее лесничий. – Это сегодня же будет устранено.

Они спустились по лестнице, которая вела в большую комнату. Посреди нее стоял стол, окруженный высокими стульями. Пол был выложен плиткой, а стены и потолок украшены затейливой резьбой. В этом зале было четыре окна и две двери. Одна из них вела в сад, а другая выходила на узкую площадку перед домом, совсем заросшую кустами орешника и сирени. Мужчинам удалось пролезть сквозь эту чащу, и они очутились около небольшой калитки, через которую можно было выйти в лес.

– Прекрасно! – обрадовался Фербер. – Теперь конец всем колебаниям. Этот выход имеет большое значение: нам не нужно будет идти дворами, пробираться окружным путем через ветхие строения, что было бы очень сложно, да и небезопасно.

Путники поговорили о переезде сюда семейства Ферберов, еще раз осмотрели комнаты и стали их распределять. Каменщику было предложено на следующий день заняться устройством кухни в одной из задних комнат. Тщательно заперев ведущую в большой флигель дверь, все двинулись в обратный путь.

В саду лесничества их встретили Сабина и оставленный на ее попечение маленький Эрнст, который с нетерпением ждал новостей. Старушка накрыла стол для кофе на площадке перед домом, под буками. Ей очень хотелось знать, как обстоят дела наверху. Выслушав рассказ обо всем, она радостно воскликнула:

– Боже мой! Видите, господин лесничий, ведь я была права! Видно, все эти вещи были позабыты. Ну да это и неудивительно. Как только засыпали землей тело молодого господина фон Гнадевица, старый хозяин умчался сломя голову и забрал с собой всю прислугу. Остался только старый управляющий Зильбер. Он под конец совсем выжил из ума. Да и в новом дворце была такая масса всяких вещей, что об оставленных в старом замке и не вспомнили. Вот наверху все так и осталось, и ни одна душа про то не знала. Господи помилуй, ведь все эти вещи

прошли через мои руки, я вытирала пыль и чистила их. А тех часов я всегда боялась, потому что они играли какую-то печальную музыкальную пьесу перед тем, как бить, и она звучала уж очень уныло в этих комнатах, где я была одна-одинешенька. Да, тогда я была еще молода! Как же быстро утекло время!..

Все уютно устроились за кофе и стали мирно обсуждать, что следует предпринять. Елизавета сказала, что не может представить себе ничего более восхитительного, как в первый день Троицы проснуться там, наверху, под звон колоколов, доносящихся из ближайших деревень. Мать поддержала ее, а потому было решено на следующий же день приступить к подготовительным работам, чтобы накануне Троицы переехать в новое жилище.

Сабина примостилась невдалеке на сосновой скамейке – на случай, если что-нибудь понадобится. Она не любила сидеть сложа руки и принялась мыть и скоблить принесенную из подвала морковку. Елизавета села возле нее. Старушка бросила лукавый взгляд на тонкие белые пальцы, взявшие у нее несколько морковок, и сказала:

– Оставьте, эта работа не для вас – от нее желтеют ладони.

– Меня это нисколько не смущает, – рассмеялась Елизавета. – Я помогу вам, а вы расскажите мне что-нибудь. Вы здешняя и, наверное, знаете кое-что из истории старого замка.

– А то как же! – с радостью отозвалась старая ключница. – Ведь Линдгоф, где я родилась, принадлежал Гнадевицам с незапамятных времен. Ну, и к тому же в таком маленьком местечке все вертится около господ, которым оно принадлежит. Тут уж ничего не упустят из того, что делается в господском доме, и рассказы об этом передаются от старших ко младшим. Господ уже давно и в живых-то нет, а парни и девушки все еще рассказывают друг другу разные истории про них. Вот, например, моя покойная прабабушка, которую я хорошо помню, знала такое, от чего волосы дыбом становились. Она с огромным почтением относилась к господам и всегда заставляла меня кланяться чуть ли не до земли, когда они проезжали мимо. Она знала имена всех господ, живших в замке с незапамятных времен. Многие из того, что творилось там, противно законам и Божьим, и земным.

Когда я позднее попала в новый замок и должна была убирать большие залы, где находились все портреты, от которых и следа теперь не осталось, я часто стояла перед ними и удивлялась, что у этих господ такой же вид, как и у других людей, а важничали они так, словно Бог собственноручно принес их на землю. Красавиц среди барынь не было. Я по своей глупости часто думала, что, если бы красавицу Лизу, самую красивую девушку из нашей деревни, поместить в золотую рамку, нарядив в такое платье да нацепив столько же драгоценных камней ей на грудь и в волосы, и позади нее поставить такого же арапа с подносом, что был на одном портрете, она была бы в тысячу раз красивее, чем госпожа, выглядевшая настоящим уродом. Но именно этой госпожой больше всего гордился весь их род. Эта графиня была богатой-пребогатой, но жестокой и бесчувственной, как камень.

Среди мужчин был только один, на которого я смотрела с удовольствием. У него на милом открытом лице сверкала пара глаз, черных, как уголь. Но на этом господине оправдалась поговорка, что хорошим людям больше всех приходится выносить на этом свете. Другим жилось прекрасно, хоть они много зла натворили на своем веку, а у Йоста Гнадевица была очень печальная судьба. Бабушка моей прабабушки знала его, когда была еще ребенком. Он, страстный охотник, мог целый день провести в лесу. На портрете его изобразили в зеленом охотничьем костюме с белым пером на шляпе. Он был очень добр и никому не сделал зла. При нем в деревне жилось очень хорошо, и все желали, чтобы всегда так было. Потом он неожиданно уехал, и никто не знал, куда он девался. Но как-то раз, темной ночью, господин вернулся. Однако он сильно изменился. С тех пор его никто больше не видел. Он удалил всю прислугу и остался в замке один со своим старым слугой. Тогда прошел слух, что он занялся чернокнижием, и все стали бояться ходить на гору даже днем, что уж говорить о ночи.

Моя старая прабабушка в молодости слыла очень бойкой и всегда пасла своих коз наверху, под стенами замка. Раз она, замечтавшись, сидела под деревом, смотрела на стены и представляла, что за ними творится. Вдруг наверху показалась рука, белая как снег, а затем лицо – прабабушка рассказывала, что оно было красивее солнца, месяца и звезд, – потом в окне появилась девушка и что-то крикнула. Но прабабушка не разобрала, что именно. Красавица хотела спрыгнуть со стены в ров с водой, который в те времена окружал весь замок. Но тут появился Йост, схватил девушку и стал бороться с нею, просить и умолять так, что камень сжалился бы над ним. Он взял ее на руки, как ребенка, и исчез. Однако девушка потеряла свой шарф, который упал вниз и долетел до прабабушки. Он был очень красивым и дорогим, и прабабушка принесла его домой, но ее отец побоялся, что он может быть заколдован, и сжег его в печке,

а прабабушке запретил ходить на гору.

Прошел, вероятно, год с той поры, как Йост Гнадевиц стал жить уединенно. Однажды он спустился с горы верхом на лошади, но никто не мог узнать его – так он изменился внешне. Он ехал медленно и печально кланялся всем, кто попадался ему на пути. С тех пор он исчез и больше не возвращался. Его убили в сражении, и его старый слуга тоже погиб... В то время шла Тридцатилетняя война.

– А девушка? – поинтересовалась Елизавета.

– Она бесследно исчезла. Йост оставил в ратуше, в Л., большой запечатанный пакет, сказав, что это его последняя воля, и велел вскрыть его, когда придет известие о его смерти. Но вскоре случился большой пожар. Много домов, церквей и ратуша сгорели дотла. Пакет, конечно, тоже. Говорили, что вскоре после этого линдгофский пастор бывал наверху, в замке, но он хранил гробовое молчание по поводу того, что там обнаружил. Он был уже стар и скоро умер, унеся с собой в могилу эту тайну... Так что никто и никогда не узнает, что это была за девушка.

– Не стесняйся, Сабина! – крикнул ключнице лесничий. – Пусть уж Эльза сразу привыкает к твоим историям со страшным концом, так что говори уж все. Ты ведь прекрасно знаешь, что эта красавица в один прекрасный день вылетела на метле в трубу.

– Нет, господин лесничий, я так не думаю. Если я...

– И могу поклясться, что все окрестности кишат ведьмами, которым только и место, что на костре, – перебил ее лесничий. – Да-да, – обратился он к остальным, – наша Сабина старой тюрингенской закваски. Вообще-то нельзя сказать, что у нее голова не на месте, да и сердце тоже, но как только речь заходит о ведьмах, она сразу теряет и то и другое и может даже прогнать какую-нибудь нищую старуху, не дав ей и ломтя хлеба, только потому, что у нее красные глаза.

– Ну, до этого не доходит, господин лесничий, – обиделась старушка. – Я ее накормлю, но подожду большие пальцы рук и не стану отвечать ни да ни нет, однако за это никто меня не осудит.

Все посмеялись над этим средством против колдовства, а бывшая ключница, отряхнув передник, принялась готовить ужин.

Глава 5

Когда на следующее утро Елизавета открыла глаза, большие настенные часы в столовой били восемь, и она убедилась, что проспала, а виноват был в этом жуткий сон, который девушка увидела под утро. Ей снилось, что она в страхе бегаёт по большим пустынным залам старого замка, потому что за ней гонится Йост фон Гнадевиц, черные глаза которого зловеще блестят, а волосы стоят дыбом над мертвенно-бледным лицом. Она в ужасе протянула руки, чтобы оттолкнуть его, и... проснулась. Сердце Елизаветы усиленно билось, и она с содроганием думала о несчастной, которую прабабушка Сабины видела тогда в окне и которая в отчаянии искала смерти, но в последнюю минуту была настигнута своим преследователем.

Елизавета вскочила с постели, освежила свое пылающее лицо прохладной водой и, открыв окно, выглянула во двор. Там, под развесистой грушей, сидела Сабина и сбивала масло. Вокруг нее собралась вся куриная армия и с надеждой посматривала на нее, так как старушка время от времени бросала птицам кусочки хлеба, лежащего возле нее на столе, а при этом усердно бранила дерзких и ободряла более робких. Увидев девушку, Сабина приветливо кивнула ей и крикнула, что все в лесничестве, у кого только есть руки и ноги, уже с шести часов утра прилежно работают в старом замке. В ответ на упреки Елизаветы, почему ее не разбудили, она сказала, что это было желание ее мамы, пояснившей, что ее дочка непосильно трудилась в последнее время.

Доброе умиротворенное лицо Сабины и утренний воздух тотчас успокоили нервы девушки и вернули ее в действительность. Быстро одевшись и выпив стакан парного молока, она поспешила на гору. Небо покрывали светлые облачка, предвещавшие ясный весенний день, птицы еще не закончили свой утренний концерт, а капельки росы сверкали на цветочных лепестках.

Как только Елизавета вошла во двор замка, ей тотчас же бросился в глаза большой зеленый холм, возвышавшийся за фонтаном. Сад совершенно

преобразился. Значительная часть его была расчищена, так что были видны остатки некогда пышных клумб и причудливых дорожек. По одной из них Елизавете удалось добраться до заросшего травой вала. По обе стороны его виднелись полуразвалившиеся лестницы, ведущие наверх, к большому парапету. Здесь деревья немного расступились и открыли прекрасный вид на долину, на зеленый луг, на котором стоял большой дом лесничего, и на стаю белых голубей, расположившихся на его крыше. У подножия вала, в конце дорожки, находился небольшой бассейн, в который поросший мхом каменный гном лил сильную струю чистой воды. Две старые липы склонились над ним и бросали благодатную тень на нежные незабудки.

Напротив этого вала находилось среднее здание, которое сегодня, благодаря открытым ставням и широко распахнутой двери, имело такой гостеприимный вид, что Елизаветой овладело приятное чувство при мысли, что это теперь ее дом. Она окинула взглядом весь сад и вспомнила свои детские годы, те минуты необъяснимой тоски, когда она, отстав во время прогулки от родителей, останавливалась у запертых калиток и заглядывала в господские сады. Там играли счастливые дети, они могли рвать только что распутившиеся розы и нарциссы. А как приятно, должно быть, гулять по красивым аллеям и прятаться от солнца в их густой тени! Тогда Елизавета могла только мечтать об этом и тосковать.

Когда она подошла к валу, в одном из окон показался дядя. Он увидел племянницу, мечтательно смотревшую на сад, и его лицо осветили теплота и нежность. Елизавета тоже увидела лесничего, приветливо кивнула ему и направилась к дому. Навстречу ей выскочил Эрнст, и она со смехом приняла его в свои объятия.

Судя по рассказам мальчика, можно было заключить, что он уже успел выполнить гигантскую работу: он подносил кирпичи печнику, складывающему кухонный очаг, помогал маме выколачивать мебель и с гордостью заявил, что дамы и кавалеры, изображенные на стенах, стали гораздо красивее и приветливее после того, как он почистил щеткой их пыльные лица. Он с восторгом обвил ручонками шею сестры, несущей его на руках по лестнице, и радостно уверял, что здесь в тысячу раз лучше, чем в Б.

Дядя встретил Елизавету в передней, он едва дал ей время поздороваться с родителями и сразу же повел в комнату с гобеленами. Какая перемена! Переплет зелени исчез с окон, по ту сторону стены лес расступился, открывая

вид на прекрасную долину, казавшуюся девушке сказочной.

– Это – Линдгоф, – пояснил дядя, указывая на огромное здание в итальянском стиле, стоявшее у подножья горы, на которой находился Гнадек. – Я принес тут нечто такое, что поможет тебе рассмотреть всякое дерево на горах и каждую травинку в долине, – продолжал он, приставляя к глазам девушки подзорную трубу.

Елизавета увидела высокие хмурые горы, по долине серебрилась речка и вилась обрамленная тополями дорога. Деревушки оживляли задний план долины.

Особняк Линдгоф, окруженный обширным парком, был отчетливо виден. Под его окнами расстилалась лужайка, а на ней пестрели причудливые клумбы с яркими цветами. Взгляд Елизаветы с удовольствием остановился на группе старых лип, густая и яркая зелень которых образовывала навес, поддерживаемый темными стволами, дальше виднелся большой зеркальный пруд, окруженный парком. В его водах отражались прибрежные деревья, что придавало некую меланхоличность всему виду. Время от времени в таинственной тени, отбрасываемой аллеей на гладь пруда, проплывал белый лебедь, с любопытством вытягивая над водой шею и обдавая вековые стволы дождем серебристых брызг со своих крыльев.

Под последним деревом аллеи стояла кушетка, на которой лежала девушка. Она запрокинула свою прелестную головку так, что волна длинных каштановых волос ниспадала на спинку кушетки. Из-под подола белого кисейного платья выглядывали стройные ножки в бронзового цвета туфельках. В тонких пальцах незнакомка держала какие-то странные предметы, которые машинально теребила. Ее лицо было белым, словно лилия, и только тонкие губы имели красноватый оттенок. Можно было усомниться, что это лицо живого человека, если бы не чудесные глаза на нем. Эти глаза были направлены на мужчину, сидевшего напротив и, по-видимому, читавшего вслух. Его лица Елизавета не могла рассмотреть, поскольку сидел он к ней спиной. Но было ясно, что это высокий стройный молодой человек с густыми белокурыми волосами.

– Эта прелестная дама там, внизу, – баронесса Лессен? – с живым интересом спросила Елизавета.

– Нет, – ответил лесничий, взяв подозрную трубу, – это барышня фон Вальде, сестра владельца Линдгофа. Ты назвала ее прелестной? Головка действительно очень красива, но она калека и ходит на костылях.

В эту минуту в комнату вошла госпожа Фербер. Она тоже посмотрела в подозрную трубу и нашла девушку хорошенькой, причем обратила внимание на выражение бесконечной доброты на ее лице.

– Да, – подтвердил лесничий, – говорят, она очень добра и кротка. Когда она поселилась здесь, все в один голос хвалили ее, но с тех пор, как баронесса Лессен взяла бразды правления в свои руки, все изменилось. Она во все сует свой нос. Горе бедняку, обратившемуся туда за помощью, – он не получит ни гроша, но будет награжден потоком язвительных замечаний, если окажется, что он предпочитает ходить в церковь к нашему старому пастору, а не слушать в часовне замка проповеди домашнего учителя баронессы, который каждое воскресенье посылает громы и молнии проклятий на головы безбожников.

– Такие принудительные меры – очень плохое средство для укрепления веры, – заметила госпожа Фербер.

– Они совершенно уничтожат ее и приучат людей к ханжеству, а дурной пример в этом подают сами обитатели особняка! – гневно воскликнул лесничий. – Они целыми днями читают Библию, где говорится о христианском смирении, а сами становятся все высокомернее. Они даже стараются уверить всех, что их благородные тела состряпаны совсем по-другому, чем брэнная оболочка их братьев во Христе. Они устраивают благотворительные лотереи, подписки и тому подобное и при этом грабят всю округу. Нет чтобы взять из собственного кармана... Не тут-то было! О, как меня злит, когда люди выставляют напоказ свое мнимое благочестие! Там, в замке, чуть ли не поминутно звонит колокольчик, и всем в окрестности известно, что «господа молятся». Хотел бы я знать, что чувствует при звуке этого колокольчика какая-нибудь горничная с раскаленным утюгом в руках или повар, которому пришло время доставать из печи нежное жаркое.

– Да, я очень сомневаюсь в их молитвенном рвении в такие минуты, – с улыбкой отозвалась госпожа Фербер. – А господин фон Вальде одобряет эти нововведения баронессы Лессен?

– Судя по тому, что я о нем слышал, вряд ли. Но что из того? Он в данное время исследует пирамиды, чтобы пролить свет на давно прошедшие времена. Откуда ему знать, что его достопочтенная двоюродная сестра в своем христианском усердии старается затушить сомнительный свет настоящего? Да он, похоже, тоже не без причуд. Князь Л., который к нему очень расположен, в былые годы весьма желал завлечь его сюда браком с одной придворной дамой, но фон Вальде отказался, как говорят, только потому, что она не очень древнего рода.

– Ну, тогда может случиться, что он привезет сюда какую-нибудь прелестную феллашку[1 - Феллахи – крестьяне-земледельцы в арабских странах. (Здесь и далее Примеч. ред.)], предки которой покоятся среди мумий где-нибудь в Мемфисе, – со смехом заметила Елизавета.

– Не думаю, чтоб он вообще когда-нибудь женился, – возразил дядя. – Он уже не первой молодости, привык к кочевой жизни, да и, говорят, никогда особенно не возился с женщинами. Я готов дать голову на отсечение, что этот, там, внизу, уже давно считает своей собственностью Линдгоф и все другие поместья в Саксонии и невесть где еще.

– Разве он имеет на них какие-то права? – спросила госпожа Фербер.

– Конечно, это сын баронессы Лессен. Кроме этой семьи у брата и сестры фон Вальде нет никаких родственников. Баронесса раньше была замужем за неким господином фон Гольфельдом, от этого брака у нее родился мальчик – теперь молодой человек, сидящий там, внизу. Ему после ранней смерти отца досталось громадное имение Оденбург по ту сторону Н. Молодая вдова вскоре вторично вышла замуж за барона Лессена. Правда, ему сопутствовала сомнительная слава, но это не имело большого значения, так как он являлся камергером и открыл своей супруге доступ ко двору. После десятилетнего супружества второй муж баронессы также скончался, оставив ей, кроме маленькой дочери, кучу долгов. Конечно, ей очень нравится властвовать в Линдгофе, так как, говорят, сын ни в грош не ставит ее.

Вошедшая служанка, вооруженная ведром и метлой, прервала разговор. Подзорная труба была поспешно сложена, лесничий снова принялся за очистку оконных рам и подоконников от остатков растений, а госпожа Фербер с Елизаветой занялись мебелью, стараясь при помощи тряпки и щетки вернуть ей прежний блеск.

Глава 6

День Святой Троицы миновал, но в старом замке еще царило праздничное настроение, несмотря на то что Фербер приступил к исполнению своих обязанностей и ему предстояло регулярно бывать в Л., а госпожа Фербер и Елизавета получили с помощью Сабины значительный заказ из бельевого магазина в Л. и, кроме того, усердно работали в саду, надеясь, что уже в этом году он одарит их по мере сил. Такое настроение, не оставлявшее новых обитателей замка несмотря на неустанный труд, вызвано было тем обстоятельством, что семейство Фербер не могло нарадоваться переменам в их жизни и постоянно сравнивало настоящее с прошлым, что вместе с непривычной жизнью в лесу будоражило их умы.

Заботливые родители решили, что Елизавете достанется комната с гобеленами, ведь из ее окон открывался самый красивый вид и при первом осмотре замка она больше всего понравилась девушке. Дверь, ведущую в большой флигель, опять заложили кирпичом. В глубине комнаты красовалась одна из кроватей с балдахином, у окна стоял письменный стол, который, помимо старинного письменного прибора, украшали две хорошенькие вазочки с цветами, а на широком каменном подоконнике среди нежной зелени сирени помещалась медная клетка: кенарь Ганс распевал в ней свои трели на зависть всем лесным виртуозам.

Когда обставляли комнату и госпожа Фербер поминутно приносила какую-нибудь вещицу, чтобы сделать ее как можно уютнее, отец, встав около более длинной стены и загородив ее руками, изгнал в другую комнату диванчик, который собирались было здесь поставить.

– Нет уж, эту стену я оставляю за собой! – улыбнулся он, внося большую полку из темного дерева и прикрепляя ее к стене. – Здесь должен царить только он, – добавил Фербер, помещая на нее бюст Бетховена.

– Но ведь это совсем некрасиво! – воскликнула жена.

– Подожди немного. Завтра или послезавтра ты убедишься, что у меня не такой уж дурной вкус.

На следующий день отец семейства и его брат уехали в город. Когда вечером они вернулись, то не прошли через калитку, а велели открыть большие ворота, и четыре носильщика внесли какой-то большой блестящий предмет. Елизавета стояла в кухне у окна и в первый раз в новом жилище была занята приготовлением ужина. Она громко вскрикнула от восторга: предмет оказался роялем и его торжественно водворили в комнату с гобеленами под полку с бюстом Бетховена! Девушка плакала и смеялась, и в восторге бросилась отцу на шею, ведь тот истратил на рояль все, что было выручено от продажи мебели в Б. Он считал, что должен возвратить дочери то, что составляло радость ее жизни. Этот инструмент был новее, чем прежний, и гораздо красивее его.

Елизавета тотчас же открыла крышку, и в стенах, где так долго царило молчание смерти, раздались мощные аккорды. Лесничий тоже пришел в комнату, чтобы видеть радость племянницы, и молчал, прислонившись к стене, когда из-под пальцев девушки полилась дивная мелодия. До сих пор дядя и Елизавета обменивались лишь шуточками да острыми словечками. Он всегда называл ее «златокудрая Эльза», утверждая, что ее волосы имеют такой золотистый оттенок, что он увидел бы их блеск сквозь самую густую лесную чащу, как некогда Роланд – алмаз на щите великана. Когда она закончила играть и раскинула руки на рояле, как бы желая обнять его, лесничий тихо подошел к племяннице, поцеловал ее в лоб и молча вышел. С этого дня он стал каждый вечер приходить в старый замок. Как только солнце садилось за лесом, Елизавета спешила к роялю. Маленькая семья устраивалась в глубокой нише сводчатого окна и мысленно уносилась туда, куда ее звал великий композитор, строго взиравший на воодушевленное лицо молодой пианистки.

Однажды семейство Фербер сидело за послеобеденным кофе. Захватив с собой газеты и трубку, дядя тоже поднялся в замок, чтобы получить из рук Елизаветы чашку горячего ароматного кофе. Он только собирался прочесть вслух какую-то интересную статью, как вдруг у калитки позвонили. Эрнст открыл. Ко всеобщему удивлению, вошел слуга из замка Линдгоф с письмом для Елизаветы от баронессы Лессен. После целого ряда комплиментов по поводу игры девушки, которую баронесса слышала, гуляя в лесу, Лессен обращалась к ней с предложением: не согласится ли та пару раз в неделю играть в четыре руки с госпожой фон Вальде? Письмо было написано в очень вежливом тоне, но дядя, внимательно прочитав два раза, недовольно бросил его на стол и, пристально посмотрев на Елизавету, проговорил:

– Ты на это не согласишься, надеюсь?

– А почему бы нет, милый Карл? – спросил Фербер.

– Потому что Елизавете там не место! – запальчиво воскликнул лесничий. – Если ты хочешь, чтобы то, что ты так старательно возделывал, было побито морозом, тогда делай как знаешь.

– До сих пор, действительно, только я один лелеял душу моей дочери и прилагал все усилия, чтобы сберечь каждый вновь пробивающийся росточек. Но, тем не менее, мне никогда и в голову не приходило выращивать чахлое оранжерейное растение, и горе ей и мне, если то, что я холил и нежил в течение восемнадцати лет, не укоренилось и погибнет при первом дуновении ветра. Я воспитал свою дочь для жизни, так как ей придется вести борьбу с ней, как и всякому другому человеку, и, если я сегодня закрою глаза, она должна будет взять в руки руль, который до сих пор крепко сжимали мои руки. Если обитатели особняка – неподходящее для нее общество, то это обнаружится очень скоро. И тогда или обе стороны, поняв, что между ними нет ничего общего, разойдутся, или Елизавета отстранится от того, что противоречит ее взглядам. Ты ведь сам принадлежишь к числу людей, которые никогда не бегут от опасности, а противостоят ей.

– Ну, знаешь... На то я и мужчина, чтобы уметь постоять за себя.

– А разве ты уверен, что у Елизаветы будет в жизни кто-нибудь, кто захочет и сможет постоять за нее?

Лесничий бросил быстрый взгляд на девушку, не сводящую с отца горящего взора.

– Отец! – сказала она. – Ты увидишь, что не ошибся и что я достаточно сильна. Так что можешь со спокойной душой отпустить меня в итальянский замок, дядюшка, – с лукавой улыбкой обратилась Елизавета к лесничему, у которого меж бровей залегла хмурая складка. – Если обитатели замка люди бессердечные, то это вовсе не значит, что я тотчас превращусь в людоеда. Если они захотят унижить меня своим высокомерием, то я облекусь в такую непроницаемую броню, что все их стрелы будут отскакивать от нее. Если же они льстецы, свет правды еще ярче засияет для меня, и тем яснее я увижу непривлекательность их черных масок.

– Прекрасно сказано, несравненная Эльза! Все так и было бы, если бы эти люди показывали всем свои маски. Ты будешь очень удивлена, обнаружив в какой-то момент труху там, где искала золото.

– Но, дорогой дядя, неужели я настолько глупа, чтобы создавать себе такие иллюзии? Вспомни, сколько печали выпало в детстве на мою долю... Вот видишь, дядюшка, что произошло вследствие твоей чрезмерной заботы о спасении моей души: твой кофе, вероятно, скоро покроется льдом, а бедная пеньковая трубка едва теплится.

Лесничий рассмеялся, правда не очень радостно, а когда Елизавета поспешно наполнила его чашку горячим кофе и разожгла трубку, произнес:

– Не думай, пожалуйста, что я ограничусь тем, что уже сказал. Ну, делай как знаешь. Я, без сомнения, получу удовлетворение, увидев, как в один прекрасный день храбрый цыпленок испуганно прибежит под защиту родного крылышка.

– Ну, – с улыбкой сказала госпожа Фербер, – этого тебе придется долго ждать. Ты совсем не знаешь нашей маленькой гордячки. Однако надо прийти к какому-нибудь решению. По-моему, было бы вполне уместно, если бы Елизавета завтра же нанесла визит дамам.

Фербер и его дочь согласились с этим решением, тогда как лесничий вздохнул и что-то проворчал о людях, смущающих порядочных граждан даже в их доме и надоедающих им. Когда Елизавета снова разожгла его погасшую трубку, он устремил на нее странный взгляд, в котором смешивались раздражение, нежность и восхищение.

Около пяти часов вечера следующего дня Елизавета спускалась с горы. Хорошо расчищенная дорожка вела через лес, примыкавший к парку, который никак не отделялся от него. Елизавета надела новое кисейное платье и белую круглую шляпу. Отец проводил ее до лужайки, а дальше она храбро пошла одна. Никто не встретился ей на длинных извилистых дорожках парка. Наконец девушка добралась до главного здания и увидела первое человеческое лицо. Это был лакей, который, стараясь не производить ни малейшего шума, хлопотал в вестибюле.

Елизавета попросила доложить о ней баронессе. Лакей побежал наверх по широкой лестнице, у подножия которой прятались в листве померанцев две высокие статуи. Очень быстро вернувшись, лакей сообщил, что «барышню просят», и, едва касаясь ногами пола, ринулся вперед, показывая гостье дорогу.

Елизавета с часто бьющимся сердцем последовала за ним. Ее угнетала не окружавшая роскошь, а чувство полного одиночества в новой, незнакомой обстановке. Слуга повел ее по длинному коридору, в который выходил целый ряд комнат, обставленных чрезвычайно изысканно и богато, затем осторожно отворил большую двухстворчатую дверь и шагнул в сторону, пропуская девушку.

Недалеко от окна, как раз напротив Елизаветы, лежала на кушетке дама, очевидно, тяжело больная. Голова ее покоилась на белой подушке, фигура, насколько можно было судить по форме окутывающих ее теплых одеял, была весьма полной. В руках она держала флакон. При виде Елизаветы дама немного приподнялась, так что девушке стало видно ее лицо – полное и бледное, оно на первый взгляд производило довольно приятное впечатление, но при более внимательном рассмотрении было видно, что большие голубые глаза, окаймленные совершенно белыми ресницами под белыми же бровями, имели почти ледяное выражение, оно еще более подчеркивалось надменными складками около рта и носа и широким, выдающимся вперед подбородком.

– Ах, очень любезно с вашей стороны, что вы пришли, – проговорила баронесса слабым голосом и указала гостье на одно из стоящих подле нее кресел, предлагая сесть. – Я просила мою кузину побеседовать с вами у меня, потому что я, к сожалению, слишком слаба, чтобы проводить вас к ней.

Прием Елизавете оказали очень любезный, хотя в тоне и движениях нельзя было заметить милостивого снисхождения. Девушка устроилась в кресле и только собралась ответить на вопрос баронессы о том, как ей нравится Тюринген, как дверь с шумом распахнулась и в нее ворвалась маленькая девочка лет восьми с развевающимися волосами. Девочка прижимала к себе хорошенькую собачку, которая визжала и вырывалась.

– Али так непослушен, мама, он совсем не хочет сидеть у меня на руках! – запыхавшись, воскликнула малютка, бросая собачонку на ковер.

– Ты, вероятно, опять дразнила собачку, – ответила мамаша. – Ты мне мешаешь, Бэлла, и очень шумишь, а у меня болит голова... Иди в свою комнату!

– Ах, там так скучно! Мисс Мертенс запретила мне играть с Али и велела повторять басни, которые я терпеть не могу.

– Тогда оставайся здесь, только сиди смирно.

Девочка прошла мимо Елизаветы, однако вплотную к ней, оглядев при этом сверху донизу наряд девушки, потом влезла на резную скамейку для ног, чтобы добраться до вазы со свежими цветами. Прелестный букет в одну минуту превратился в бесформенную массу в маленьких ручках: они усердно выдергивали цветы и втыкали их в тонкую вышивку занавесок. При этом со стеблей стекали большие капли бурой жидкости, в которой стояли цветы, и падали прямо на платье Елизаветы, так что ей пришлось отодвинуться, поскольку мамаша, очевидно, не собиралась приструнить дочь. Девушка только успела, отвечая на вопрос баронессы, сказать, что в Тюрингене она чувствует себя прекрасно, как больная быстро поднялась и приветливо закивала в направлении скрытой в обоях двери, бесшумно открывшейся в этот момент.

На ее пороге появились двое молодых людей, которых Елизавета уже видела в свою подзорную трубу. Какой контраст представляли они, стоя рядом! Гольфельд должен был сильно склонить набок свой стройный стан, чтобы поддерживать маленькую ручку, лежавшую на его руке. Детская фигурка девушки, напомнившей Елизавете Сильфиду и покоившейся на кушетке тогда, когда была впервые увидена, была сильно изломана. Хорошенькая головка совсем пропадала в высоко поднятых плечах, а костыль, на который она опиралась правой рукой, указывал на то, что ноги ей плохо повинуются.

– Прости, дорогая Елена, – проговорила баронесса, обращаясь к вошедшей, – что побеспокоила тебя, но видишь, я снова обратилась в бедного беспомощного Лазаря, к которому ты всегда так ангельски добра. Фройляйн Фербер, – представила она девушку, которая, краснея, поднялась, – была так любезна, что в ответ на мою вчерашнюю записку пришла сама.

– За что я вас от души благодарю, – с приветливой улыбкой обратилась молодая особа к Елизавете, подавая ей руку. Ее взгляд с восхищением скользнул по фигурке Елизаветы и остановился на ее золотых косах, видневшихся из-под

шляпы. – Да, гуляя вчера по лесу, я видела ваши чудные золотистые волосы, когда вы перегнулись через стену старого замка.

Девушка покраснела еще больше.

– Но именно потому, что вы были на стене, – продолжала Елена, – я лишилась удовольствия, ради которого, собственно, и взобралась на гору. Я хотела послушать вашу игру. При такой молодости – и столь глубокое понимание классической музыки! Как это возможно? Вы доставите мне громадное наслаждение, если согласитесь иногда играть со мной в четыре руки.

По лицу баронессы промелькнула легкая тень недовольства, и от внимательного наблюдателя не ускользнула бы презрительная улыбка, пробежавшая по ее губам. Елизавета не заметила этого, так как все ее внимание было направлено на несчастную собеседницу, нежный, серебристый голосок которой исходил, казалось, из самого сердца.

Гольфельд тем временем пододвинул к кушетке кресло для госпожи фон Вальде и затем откланялся, не произнеся ни слова. Но так как он вышел в дверь, находившуюся напротив Елизаветы, от нее не укрылся упавший на нее взгляд молодого человека, которым он одарил гостью, медленно закрывая дверь. Девушка испугалась этого взгляда и начала осматривать свое платье, пытаясь найти в нем какой-то изъян.

Госпожа фон Вальде прервала терзания Елизаветы вопросом о том, какому учителю та обязана своей совершенной игрой, и девушка ответила, что занималась только с матерью и что родители всему учили ее сами.

Во время этого разговора Бэлла, расположившись на ковре, играла с собачкой, причем та то и дело жалобно визжала, и госпожа фон Вальде всякий раз испуганно вздрагивала, а баронесса в конце концов сказала:

– Оставь свои проказы, Бэлла. Мне придется позвать мисс Мертенс.

– Ну так что же! – пренебрежительно отозвалась Бэлла. – Она все равно не посмеет меня наказать: ведь ты сама запретила ей это.

В эту минуту в комнату вошла пожилая особа, довольно бледная. Почтительно поклонившись дамам, она робко проговорила:

– Господин учитель ожидает Бэллу.

– Я не хочу сегодня учиться! – выкрикнула девочка и, взяв со стола моток шерсти, бросила его в вошедшую.

– Нет, дитя мое, это необходимо, – произнесла баронесса. – Иди с мисс Мертенс и будь умницей.

Бэлла уселась в кресло, как будто все это касалось ее не больше, чем укрывшегося под диваном Али, и поджала под себя ноги. Гувернантка хотела было подойти к девочке, но гневный взгляд баронессы остановил ее.

Эта сцена, вероятно, еще долго бы продолжалась, если бы баронесса не прибегла к помощи конфет. Девочка, набив ими рот и карманы, направилась к выходу. Англичанка хотела взять ее за руку, но Бэлла оттолкнула ее и выбежала из комнаты.

Елизавета буквально окаменела от удивления. Кроткое лицо фон Вальде выражало неодобрение, но она не проронила ни слова.

Баронесса снова опустилась на подушки.

– Эти гувернантки вгонят меня в гроб! – со вздохом произнесла она. – Когда же, наконец, мисс Мертенс научится обращаться с Бэллой, как того требует впечатлительная натура девочки? Она совершенно не считается с детским темпераментом и положением своей подопечной. Всех подгоняет под один шаблон, будь то дочь какого-нибудь лавочника или знатного лорда. Мисс Мертенс – отвратительная, педантичная воспитательница. Бог весть, из какой английской глуши она явилась! Ее выговор ужасен!

– Я не нахожу этого, дорогая Амалия, – сказала госпожа фон Вальде, в голосе которой звучала бесконечная доброта.

– Ах, это в тебе говорит твоя ангельская натура. Хотя я сама и не говорю по-английски, но прекрасно слышу, что твой выговор, милочка, несравненно элегантнее.

Елизавета мысленно усомнилась в справедливости этого суждения, а госпожа фон Вальде сделала отрицательное движение рукой и при этом слегка покраснела.

Баронесса же продолжала:

– Бэлла тоже прекрасно чувствует это. Она упорно молчит, когда гувернантка обращается к ней по-английски. Я вполне понимаю ее и всегда выхожу из себя, когда эта особа уверяет, что девочка упрямится.

Слабый вначале голос баронессы постепенно окреп, пока она произносила эту тираду.

Она, казалось, сама заметила это и, вздохнув, утомленно закрыла глаза.

– О! Мои несчастные нервы не выдерживают этого. Я опять становлюсь раздражительной. Эти неприятности – сущий яд для тела и души.

– Я советовала бы тебе в те дни, когда ты так скверно себя чувствуешь, как сегодня, оставлять Бэллу на попечение господина Меренга и мисс Мертенс, – продолжала госпожа фон Вальде. – Я убеждена, что они за ней будут присматривать как следует. Вполне понятна твоя трогательная забота о ребенке, но все же должна заметить для твоего же успокоения, что мисс Мертенс слишком хорошо воспитана, чтобы делать то, что не послужило бы девочке на пользу. У тебя такой утомленный вид! – участливо сказала она. – Будет лучше, если я оставлю тебя одну. Фройляйн Фербер, вероятно, будет настолько добра, что проводит меня до моей комнаты.

С этими словами фон Вальде встала, наклонилась к баронессе и поцеловала ее в щеку. Затем она взяла под руку Елизавету, которую баронесса отпустила чрезвычайно благосклонным движением руки, и вышла с ней из комнаты.

Пока они шли по бесконечным коридорам, она сказала, что для ее брата, которого сейчас нет рядом с нею, будет громадной радостью, если она опять начнет заниматься музыкой. Раньше, пока сильное нервное расстройство не заставило ее надолго отказаться от любимого занятия, он часами мог сидеть в углу и слушать ее игру. Теперь она чувствует себя гораздо лучше, и доктор опять разрешил ей играть. Она будет усердно заниматься, чтобы сделать брату приятный сюрприз к его возвращению.

Елизавета мчалась как на крыльях по дорожкам уединенного парка в гору. У калитки ее поджидали родители, а маленький Эрнст побежал ей навстречу. Каким уютным и родным казалось Эльзе все здесь, наверху. Родители встретили ее так, будто давно не видели, у окна заливался от радости кенарь Ганс, а под развесистыми липами девушку ждал накрытый для ужина стол.

Итальянский дворец со всей его роскошью исчез для нее, как сон. Поделившись с родителями своими впечатлениями, она проговорила:

– Следуя тому, чему ты меня учил, папочка, я сегодня еще не должна делать какие-либо выводы относительно нового знакомства – ведь ты полагаешь, что первое впечатление обманчиво. Но когда я думаю об одной из этих двух дам, мне невольно представляется одинокая молодая березка, безропотно позволяющая налетевшему урагану трепать свои гибкие ветви.

Глава 7

С этого времени Елизавета стала два раза в неделю ходить в Линдгоф. Баронесса на другой день после первого визита своей молодой соседки написала ей очень милое письмо, в котором назначила дни занятий и предложила очень приличный гонорар за ее труды. Эти уроки очень скоро сделались для Елизаветы источником высшего наслаждения. У Елены фон Вальде вследствие того, что она не занималась несколько лет, сильно страдала техника, и она не могла соперничать с Елизаветой, но играла с глубоким чувством, к тому же у нее был превосходный слух и она никогда не отвергала то, что было ей не по силам. Баронесса фон Лессен не присутствовала на занятиях, благодаря чему минуты отдыха приобрели особую прелесть для Елизаветы. Лакей тут же приносил какое-нибудь угощение, Елена устраивалась в своем

кресле, а молодая учительница садилась на скамеечку возле ее ног, с восхищением слушая ее рассказы о прошлой жизни. При этом голос Елены звучал печально и уныло. В ее рассказах на первый план всегда выступал образ отсутствующего брата. Елена не могла нахвалиться им: он заботился о ней, а Линдгоф купил исключительно потому, что она, гостившая продолжительное время при дворе в Л., нашла, что тюрингенский воздух особенно хорошо действует на ее здоровье. Из этого следовало, что брат нежно любит ее.

Однажды после обеда, когда девушки особенно увлеклись музыкой, слуга доложил о приходе гостей.

– Останьтесь, пожалуйста, у нас пить чай, – обратилась Елена к Елизавете. – Приехал из Л. мой доктор, а также сегодня хотели быть у нас некоторые дамы из соседних имений. Я сейчас же пошлю кого-нибудь к вашей маме, чтобы она не беспокоилась. Моя беседа с доктором не будет продолжительной, и я скоро вернусь к вам.

С этими словами она вышла.

Не прошло и десяти минут, как Елена вернулась, опираясь на руку господина, которого представила Елизавете как доктора Фельса из Л. Это был стройный мужчина с очень умным лицом. Он с интересом посмотрел на молодую пианистку, услышав ее фамилию, и в шутливом тоне рассказал о том, в какое изумление и даже ужас пришли почтенные жители Л., когда узнали, что в старом Гнадеке появились обитатели, и притом самые настоящие живые люди.

Вдруг в соседней комнате послышалось шуршание, и на пороге появились две дамы – старая и молодая. Сильное сходство позволяло заключить, что это были мать и дочь. На обеих были темные платья, юбки которых, вопреки моде, ниспадали почти до самого пола, и длинные мантильи из шерстяной ткани; круглые коричневые шляпы были завязаны под подбородком у матери черным, а у дочери лиловым бантом. Елена представила их – это были госпожи фон Лер. Позднее Елизавета узнала, что они, живя в Л., обыкновенно проводили лето в Линдгофе, где снимали крестьянскую избу.

Сразу за гостями вошла баронесса под руку с сыном и в сопровождении молодого человека, которого все называли учителем Меренгом. Баронесса была в темном, но чрезвычайно элегантном платье и имела очень представительный

вид. На пороге она остановилась и была, по-видимому, неприятно удивлена присутствием Елизаветы. Она смерила девушку высокомерным взглядом и ответила на ее поклон едва заметным кивком.

Елена уловила этот взгляд и, подойдя к баронессе, умиротворяюще шепнула:

– Я оставила сегодня свою любимицу у себя, ведь было уже поздно.

От обладающей тонким слухом Елизаветы не ускользнул извиняющийся тон – она была возмущена и выскочила бы за дверь, если бы гордость не повелела ей остаться и принять высокомерный вызов баронессы.

Баронесса, очевидно, была удовлетворена раскаянием в совершенном за ее спиной преступлении и, обняв Елену, стала нежно гладить ее по голове и осыпать комплиментами. Затем она пригласила присутствующих пройти за ней в соседнюю комнату, где был накрыт стол. Баронесса была очень любезной хозяйкой и проявляла большой талант поддерживать разговор – это она делала с ловкостью, достойной восхищения. Она умела все повернуть так, что Елена оставалась центром, на котором сосредоточивалось все ее внимание, не давая, однако, другим почувствовать себя сколько-нибудь обойденными.

Елизавета молча сидела между доктором и барышней Лер. Разговор был для нее малоинтересен, поскольку касался совершенно незнакомых ей людей и обстоятельств. Госпожа Лер выглядела очень важной и казалась весьма осведомленной в том, что делалось или говорилось, будь то тайно или явно, у гостивших в Линдгофе. Она сообщала обо всем удивительно жалобным голосом и, заканчивая пересказ какой-нибудь возмутительной новости, всякий раз смиренно опускала свое высохшее свиное лицо с таким видом, будто она – агнец, который должен нести на себе грехи всего мира. Время от времени она вынимала из своего огромного ридикуля бутылочку с укропной водой и смачивала свои большие глаза, то и дело устремлявшиеся к небу.

Какой контраст представляли собой лицо этой госпожи и ангельское личико Елены, которая, благодаря отражавшемуся на нем какому-то особенному состоянию, сегодня еще больше напоминала Елизавете водяную лилию! Ее глаза сверкали счастливым блеском, на губах играла прелестная улыбка всякий раз, когда она брала в руки букет, врученный ей Гольфельдом по приходе. Он сидел около Елены и иногда принимал участие в разговоре. Когда он начинал

говорить, все присутствующие умолкали и с видимым интересом слушали, хотя молодой человек вовсе не отличался красноречием и, как показалось Елизавете, не высказывал каких-либо оригинальных мыслей.

Это был красавец лет двадцати четырех. Правильные черты его лица, имевшего очень спокойное выражение, говорили о твердости характера, но тот, кто внимательно присматривался к его глазам, изменял свое мнение. Эти глаза были довольно выразительны, но никогда они не сияли блеском, говорящем об уме и неординарности человека, даже когда он не произносит ни одного слова, и не наполнялись мягким светом, указывающим на глубокую натуру.

Однако только немногие делали подобные выводы, так как о Гольфельде почему-то сложилось мнение, что это оригинал, молчаливость которого свидетельствует о большой глубине его ума. Дамы в Линдгофе, очевидно, разделяли этот взгляд, что было особенно заметно по дочери госпожи фон Лер, которая всякий раз, как только Гольфельд открывал рот, вся обращалась во внимание, точно речь шла об ангельском откровении. Но, как оказалось, и она была не прочь блеснуть своим красноречием.

– Вас, вероятно, тоже восхитила прекрасная проповедь, которой услаждал нас в праздники учитель Меренг? – спросила она, обращаясь к Елизавете.

– Очень сожалею, но я не слышала ее.

– Так вы совсем не ходите в церковь?

– Ну как же! Я с родителями была в церкви в Линдгофе.

– Та-ак!.. – произнесла баронесса Лессен, первый раз поворачиваясь лицом к Елизавете. – Там, в Линдгофе, наверное, проповедь была очень назидательной?

– О да, – спокойно ответила Елизавета, хладнокровно выдерживая насмешливый взгляд баронессы. – На меня произвели сильное впечатление простые, но вместе с тем трогательные слова пастора, который, впрочем, проповедовал не в церкви, а на открытом воздухе, под дубами. Перед началом богослужения оказалось, что маленькая церковь не могла вместить всех собравшихся, и тотчас же был сооружен алтарь под открытым небом, как уже происходило не один раз.

– Да, это, к сожалению, известно, – перебил ее учитель Меренг, очень мало говоривший до сих пор и довольствовавшийся тем, что любезно улыбался или кивал, выслушивая сообщения госпожи фон Лер. Теперь же он покраснел до корней волос и с сарказмом в голосе обратился к баронессе: – Как далеко зашло, уважаемая баронесса! Старые боги опять спустились в священные рощи друидов приносить им жертвы под дубами.

– При всем своем пылком воображении я не могла представить себе, что присутствую на языческом жертвоприношении, – возразила Елизавета. Она улыбнулась, а затем тепло и сердечно продолжила: – В то чудное праздничное утро, когда мощные звуки органа лились через открытые окна и двери церкви и голос почтенного старого пастора так проникновенно звучал среди свежей зелени, я чувствовала то же, что и в тот день, когда впервые вступила в храм Божий.

– Вы, кажется, обладаете замечательной памятью, – заметила госпожа фон Лер. – Разрешите спросить, сколько вам было тогда лет?

– Одиннадцать.

– Одиннадцать? О, да неужели это возможно?! – с ужасом воскликнула старушка. – Неужели христиане могли допустить подобное? Мои дети уже с малых лет посещали дом Божий, вы должны засвидетельствовать это, милейший доктор!

– Совершенно верно, – серьезно ответил тот. – Я прекрасно помню, что обострение крупы, вследствие чего вы имели несчастье потерять вашего сына, было вызвано посещением холодной церкви.

Елизавета с испугом взглянула на своего соседа. Доктор до этого момента не принимал участия в разговоре и ограничивался тем, что изредка вставлял едкие замечания, причем баронесса всякий раз посылала ему укоризненный взгляд. Вступив в разговор, Елизавета перестала обращать на него внимание, как и другие, чьи взоры были направлены на «нечестивую язычницу». Никто не заметил, что доктор чуть не умирал со смеху, слушая ответы своей молодой соседки и видя, какое впечатление она производит на окружающих.

Последние слова доктора показались Елизавете жестокими. Но он, вероятно, хорошо изучил своих собеседников, потому что госпожа фон Лер отреагировала на них совершенно спокойно и сладким голосом произнесла:

– Да, Господь взял к себе моего малютку. Он был слишком хорош для этого мира. Так значит, в течение первых одиннадцати лет Царствие Божие было закрыто для вас? – снова обратилась она к Елизавете.

– Только его храм! Я уже с малых лет знала священную историю. Мой отец придерживается того взгляда, что маленьким детям не следует ходить в церковь, так как их юные души не в состоянии постичь ее высокого значения и дети скучают во время проповеди, которую при всем желании не могут понять, а из-за этого у них развивается пренебрежительное отношение к религии. Моему маленькому брату семь лет, и он еще ни разу не был в церкви.

– О, счастливый отец, имеющий возможность придерживаться подобных взглядов! – воскликнул доктор.

– Ну, а что же мешает вам подобным образом воспитывать своих детей? – ехидно спросила баронесса.

– Этого я не могу объяснить вам двумя-тремя фразами, многоуважаемая баронесса. У меня шестеро детей, и я недостаточно богат, чтобы взять для них учителя. Моя профессия не позволяет мне самому учить их, так что я вынужден посылать их в школу, которая предусматривает и посещение церкви учениками. Я, например, совершенно не одобряю самостоятельного чтения детьми Библии. Дети предпочитают развлечение серьезному поучению и склонны интересоваться именно тем, чего им не следует знать, а потому часто вместо того, чтобы найти текст последней проповеди, обращают внимание на разные заковыристые выражения и затем обращаются к матери за разъяснениями. Умная мать сумеет выйти из затруднительной ситуации, но иногда бывает вынуждена запретить упоминание этих слов во избежание нежелательных последствий – вспомните-ка, к примеру, Песнь Песней. Таким образом в детской душе зарождаются первые сомнения, которым неокрепшее сознание никак не может противостоять.

Баронесса нетерпеливо поднялась. На ее бледных щеках вспыхнули два ярких красных пятна. Для всех, кто ее хорошо знал, это служило признаком сильного

гнева. Елена, не принимавшая участия в разговоре, тотчас же встала и, взяв кузину под руку, подошла с ней к окну, спросив при этом, не доставит ли ей удовольствие послушать музыку. Баронесса кивком выразила свое согласие, главным образом потому, что не смогла опровергнуть доводы доктора. Все заметили ее негодование, и теперь она должна была погасить свое возмущение вопиющими нападками доктора на ее христианское рвение: ведь она сама раздавала детям Библии.

Баронесса удалилась в оконную нишу и стала смотреть на парк, где появлялись первые тени, предвестники спускающейся на землю ночи. Взгляд ее был холодным и даже жестоким, около губ появилась глубокая складка – признак сильнейшей досады, не исчезнувшей даже при звуках баллады «Лесной царь» Шуберта, мастерски сыгранной двумя девушками в четыре руки, но не вызвавшей отклика в ее душе. Когда смолкли последние аккорды, обе музыкантши встали. Доктор, напряженно слушавший все время, подошел к ним, его глаза блестели, и он с восхищением поблагодарил их за доставленное удовольствие, которого, по его словам, не испытывал уже много лет. При этих словах лицо барышни фон Лер побагровело, а мамаша бросила на несчастного ядовитый взгляд: ее дочь прошлой зимой несколько раз выступала в Л. на благотворительных концертах, где присутствовал и доктор. Однако тот, казалось, вовсе не замечал грозы, собравшейся над его головой, и завел пространный разговор о творчестве Шуберта, проявив при этом глубокую образованность в области музыки и тонкое чутье.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Феллахи – крестьяне-земледельцы в арабских странах. (Здесь и далее Примеч. ред.)

Купить: <https://tellnovel.com/evgeniya-marlitt/zlatokudraya-el-za>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)